

Тимур Самигуллин

ЭЛЕН & ЭЛЬЗА

12+

Тимур Наилевич Самигуллин

Элен & Эльза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39829308

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1274-2

Аннотация

В доме сестер-близнецов прошли похороны матери, их отец тяжело переносит утрату, находя утешение в бутылке. Судьба мастерской по пошиву пуантов оказывается на хрупких плечах Элен, Эльза готовится к выступлению на балу с офицерами Республики, обещающему стать поворотным в её начинающейся балетной карьере. Жизнь Города № 18 течет размеренно, пока цепь фатальных событий не рушит все до основания. Сколько стоит успех? А сколько – случайное убийство? Решения двух сестер и молодого офицера приносят им то боль, то надежду, то разочарование. Счастье каждого из них продолжает маячить в соблазнительной близости и вот-вот окажется в руках...

Содержание

Пролог	4
Глава 0. Затакт[1]	6
Глава 1. Поминки	8
Глава 2. Жизнь после смерти	13
Глава 3. Александр	19
Глава 4. Август	22
Глава 5. Черные пуанты	25
Глава 6. Бал	28
Глава 7. Звонок	37
Глава 8. Драка	38
Глава 9. Встать, суд идет	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Тимур Самигуллин Элен & Эльза

Пролог

Я – свет и тень
Наполовину,
Я – выдоха и мята, и полынь,
Я – ночь и день,
Я – белое лишь с виду,
Я – снега ком, я – горсть песка пустынь.

Ты – тень и свет,
Пропажа и находка,
На глобусе чужие полюса.
То сон, то бред,
То танец, то походка,
То мертвый штиль, то ветер в паруса.

Ты – пепел рун
Моих обетов прежних,
Потерянных за давность дней и лет.
Я – шепот струн
В ночи признаний грешных,
Оборванный рапирою сонет.

Мы – в бег, да так,
Что кровь на пуповинах,
В бою рожденных прямо в небеса,
И после – мрак,
Лишь теплая перина
И перья в белокурых волосах.

Глава 0. Затакт¹

Я сидел на скамейке около подъезда своего дома. В висках почти перестало стучать. Вера была очень убедительна, когда на чем свет крыла меня матом со своего Израиля. Да, я был, может, не прав, что дал волю эмоциям, наверняка не прав. Только исправить уже ничего нельзя. Лет десять назад, это может подтвердить любой, меня бы Кондратий хватил от таких новостей, а теперь ничего, помучился с неделю, и все – белый лист. Деньги. Деньги не заработал, а значит, потерял: ну что ж с того – мы часто что-то теряем, чтобы кто-то другой это нашел. Когда-нибудь таким счастливым стану и я. Очень маловероятно.

Все, к черту хандру. Надо походить, побегать, если придется. В телефоне есть музыка, надо послушать что-то срочно, прям первое попавшееся. Нет, не то, это тоже не то, Стинг, стоп: «I hate to say it, but it's probably me»² – это прямо в точку, долбан, прямо в точку. Когда ты не главный – молчи в тряпочку, умолкни и не вспоминай о своих регалиях и талантах. Ты уже однажды уехал из города, где вершил дела

---

¹ Зата́кт (в музыке) – неполная доля такта, предшествующая первой доле последующего такта.

² «Я ненавижу это говорить, но это, наверное, я» – слова из песни «It's Probably Me» (рус. «Вероятно, это я») британского рок-музыканта Стинга, которая была выпущена в 1992 году.

в бригаде молодых и амбициозных, не у руля, естественно, и теперь история повторилась. Правда, тебе уже сорок, удали поубыло, но зато город попросторнее и поцентровее. Терпи и лезь. Как сказал один персонаж из выпуска новостей – работайте, братья.

Глава 1. Поминки

Элен стояла у окна и смотрела на подъезжающий катафалк. Водитель едва-едва смог развернуться на крохотном пятачке двора и, выйдя из машины, раскуривал сигарету. Эльза услышала дребезжащий рокот древнего движка автобуса раньше остальных и уже выбежала на улицу с табуретками.

Темный смрад стоял в квартире, смешалось все: тлен разлагавшегося тела, перегар отца и прочие запахи немногочисленных гостей. Гроб был простой, в черной драпировке – даже в чем-то очень шел матери своей незамысловатостью. Её тонкие и нежные черты будто светились болезненной синевой из его глубин. Ажурный воротник прикрывал почти всю шею, а дальше до самых пят шло глухое платье, заканчиваясь аккуратными лаковыми туфлями. Спокойная и тихая, как при жизни.

Отец, напротив, больше походил на мертвеца.

Нэд Раух был сильным мужиком. Он перенес многие невзгоды, живя в Городе № 18 – это его отчий край, его родовое гнездо, если так можно говорить при нынешних делах в государстве. Когда-то, юнцом служа в местном театре, он часто мотался в столицу, чтобы попытаться как-то пробиться в люди, бывал в Генеральном театре на прослушиваниях, бухал в трактирах с местными актерами и заводил, как ему ка-

залось, полезные знакомства. А потом – все. Какое-то недо-
разумение. Молодой Нэд не понял, что произошло, а старый
бы и объяснил, но вот незадача: между ними уже пролетело
двадцать лет жизни.

Теперь на нем небольшая мастерская при том же местном
театре, и, как и обещал директор последнего те же двадцать
лет назад, «ничего, не помер». Шить пуанты и костюмы уже
помогают дочери, а там со временем, глядишь, и еще мысль
созреет какая. Но вот Лили не вернуть.

Будущую жену Нэд встретил сразу после третьей или чет-
вертой поездки в столицу. Тихая невысокая девочка сидела
в шумном трактире и читала в углу, пока он с прочими при-
водил себя в надлежащий пятничный вид дешевыми стопа-
риками. Почему она, больше того, почему для неё он – за-
гадка. Недаром говорят, что плюс и минус притягиваются,
но коротнуло и заискрило между ними в тот вечер так, что
и трактир, и книга были позабыты обоими уже через пару
часов. С тех пор Нэд, приезжая в столицу, чаще искал встреч
со своей новой любовью, нежели пытался продвинуть свою
актерскую карьеру. Лили, в то время обучавшаяся танцам
в школе при Генеральном театре, отвечала взаимностью, но
все же при этом старалась прилежно посещать занятия.

Годы прошли незаметно, а старый Нэд все еще помнил
запах её волос в тот вечер в том самом трактире. Помнил
огромные глубокие глаза и завораживающее цветущее моло-
дое тело. Теперь же Лили навсегда покинула его, оставив на-

едине с дочерями-двойняшками и этим глупым миром.

Из двух сестер Элен больше походила на неё своей кротостью и молчаливостью. Характер был непростой, но решения она принимала почти всегда взвешенно и прагматично. Из двух возможных ответов на любой вопрос она как-то умудрялась найти третий, который, к удивлению большинства окружающих, устраивал практически всех. Зато вторая, Эльза, была словно изнанка наволочки, вроде рисунок тот же, а краски совсем другие. Дерзкая и несдержанная, она обладала талантом уже с ясельного возраста находить себе приключения на свой, теперь, впрочем, вполне симпатичный, зад. То драка с мальчишками, то перепалка с учительницами в школе – для Лили Раух всегда находился повод посетить кабинет директора и выслушать новую нравоучительную историю. Но Эльзе почти всегда все сходило с рук. Слишком незлобива и проста была душа её матери, проста, как вот эта черная драпировка на гробе.

Элен подождала сестру и легким кивком подала незаметный жест Петерсу, заму начальника городского крематория. Он, кряхтя, привстал и со словами: «Ну что ж, ребят...» – взялся за край ящика. Мужики пододвинулись, и гроб поплыл к выходу. Нэд сидел на кухне, упершись зрачками в горлышко бутылки, ссутулившись, такой незаметный, темный и тихий. Никто даже и не пытался заговорить с ним сейчас – так неуместно это казалось – а он отвечал полной взаимностью. Бывают такие моменты, когда ты сам весь без

остатка – белый шум, наводка, искажение в радиоприемнике. Остается только сидеть и неуверенно ждать сигнала. А вот откуда ему взяться – почти точно не скажет никто.

Ни плача, ни вздохов – только сдавленный шепот слышался на поворотах лестницы подъезда: маленькие гробы нести несложно даже подросткам, не то что взрослым. Когда ящик мягко опустился на два подготовленные около катафалка табурета, свет солнца в последний раз упал на лицо Лили Раух. Сестры стояли рядом, и тошнота волнами то и дело подкатывала к горлу. Слабый ветер изредка теребил пару неприбранных локонов волос на голове матери, что создавало иллюзию неожиданно вернувшейся жизни. Элен положила ладонь на лоб покойницы, взглянула напоследок и отвернулась. Эльза стояла, молча теребя тесьму от венка, и неожиданно сквозь слезу сказала:

– Жди нас, мамочка. И пусть тебя там никто не обижает...
А у нас все будет хорошо.

Все-таки Нэду повезло – они с Лили вырастили смелых дочерей.

Когда наконец через долгий лязг стартера неровно заработал двигатель катафалка, отец на кухне привстал. Окно оказалось приятно холодным – он прижался к нему лбом. Стекло дрожало в такт со старым движком машины. Нэд смутно видел, как гроб исчезает внутри автобуса, как люди пропадают в небольшом проеме дверцы, неловко и торопливо рассаживаясь по жестким неприветливым сидениям, как со скре-

жетом включается передача и катафалк трогается. Больше он не видел ничего: лежа на полу кухни, он корчился и за-ламывал руки, изрыгая изо рта содержимое последних двух бутылок в первозданном виде. Бедолага не ел почти неделю.

Глава 2. Жизнь после смерти

Весна – прекрасное время года. В ней нет жужжащей назойливости лета, нет снежного остервенения зимы и стылой хандры осени. Любые новости проходят через теплый солнечный фильтр и воспринимаются потом значительно мягче. Нет нужды сильно утепляться или искать защиту от зноя, мало мух и много, по сравнению с зимой, света. Рай, одним словом.

Элен подбирала в кладовой колодки для пяти новых пар пуант, которые необходимо было пошить Августу Остерманну, обер-танцмейстеру и директору балетной школы. Надо было поторапливаться, ибо заказ висел уже больше недели. Эти вечные пьяные отговорки отца о том, что «каждая ниточка должна найти свою иголочку», уже начинали подбешивать, ведь раньше, до похорон, он был почти образцом пунктуальности и никогда не позволял себе подобного. А тут целая неделя простоя мастерской. Элен решительно настроилась поговорить с ним об этом, как только разберется с делами, не терпевшими отлагательства.

В зоне «А» про мастерскую Нэда знали все, в каждом дворе и в любой местной забегаловке, но вот его заказчиков здесь не было. Пуанты и театральные костюмы – прихоть небедных людей, которые живут в центре города, в зоне «К», там же, где исторически рядом соседствовали балетная шко-

ла, суд и Канцелярия. Там, где обитают семьи руководителей всевозможных рангов и династии деятелей разных областей культуры и науки, десятилетиями оброставшие гроздьями наследников, теперь не имеющих ни к культуре, ни к науке уже никакого отношения. Но они так же обладали деньгами и охотно распоряжались ими. Благодаря этому факту существовали некие возможности приработка гражданам из других частей города, часто неофициальные. Все же в большинстве случаев это давало им возможность вполне сносно существовать и даже кое-где улучшать себе быт и рацион.

Поэтому Элен была так сосредоточена и настроена на работу: где один заказ, там и остальные. Тем более сегодня, когда господин Остерманн дает бал, среди приглашенных гостей которого будет присутствовать худрук Генерального театра, надо быть крайне опрометчивой, чтобы злить такого важного клиента в такой знаменательный для него день. Эльза танцует в сегодняшней постановке главную роль, а значит, есть шанс, что она наконец будет замечена, оценена по достоинству, и, как Элен искренне полагала, им с сестрой удастся выбраться из болотной трясины этой вечной бедности.

Эльза в их общей танцевальной группе была однозначно одареннее и физически крепче. Ей, в мечтах сестры, полагалось стать великой танцовщицей, подняться в Генеральном театре до звания примы и закрепиться в столице. К тому времени Элен расширила бы производство и, если тому сообразуют высшие силы, нашла бы побольше новых клиентов.

После, возможно, она бы осмелилась взять кредит, на который они с отцом купили бы огромный дом, в котором их бы навещала знаменитая дочь и сестра. А может быть, они бы переехали к ней в столицу. Это же все должно быть прекрасно, и в таком прекрасном плане детали могут быть уже не очень важны.

Поэтому сегодня она будет работать быстро и точно и сошьет эти чертовы пять пар пуант, чего бы ей это ни стоило.

Эльза вошла как нельзя вовремя.

– Я видела штук десять военных грузовиков в центре, – сказала она.

– Надеюсь, бал не отменят из-за каких-нибудь учений, – Элен постаралась изобразить шуточный тон, что ей почти никогда не удавалось.

– Не переживай, диктор предупредил – это наша публика, – не без сарказма успокоила сестра.

– Докатились, уже танцуем с солдафонами, – тихонько прошептала Элен.

С этими словами она намазала рукой жирный слой клея на джутовую заготовку и придавила атласную выкройку к колодке. Эльза тем временем достала тетрадь учета расходов и принялась, стоя здесь же, у прикрученного к стене в качестве балетного станка метрового бруса, выполнять упражнения, в паузах что-то записывая в тетради карандашиком.

– Ей-богу, тебя как будто в бухгалтерию при штабе отс-матривать будут, – говоря это, Элен усмехнулась, взяла ма-

ленький молоточек и обстучала пятак на носке.

– Я и в бухгалтерии буду лучшей балериной, поверь! – Эльза была сегодня явно в приподнятом настроении. Она схватила со стола степлер и замерла, вскинув руки вверх, как танцовщица фламенко. Щелкнув им пару раз в подтверждении своих слов, она отстучала убедительную дробь ногами и упорхнула в дверь. Элен улыбнулась и взялась за вторую заготовку пуант.

На улице было до неприличия хорошо. Эльза шла по мостовой в сторону балетной школы, не замечая серых стен и внимательных взглядов камер, коими было утыкано всё и вся в этом городе. Изредка попадались навстречу горожане в таких же стандартных костюмах, рекомендованных Канцелярией для весеннего гардероба, незатейливых, но вполне аккуратных и по-простому красивых. Нашивки на рукавах ближе к запястьям указывали всю информацию вплоть до адреса и группы крови, и поэтому практически никогда никто не заговаривал друг с другом беспричинно – было сложно с ходу подобрать легкомысленный повод, вроде «как вас зовут» или «где вы живете».

Не замечая прохожих, Эльза мысленно протанцовывала свой номер снова и снова, причем весь танец можно было прочесть у неё на лице – настолько ярко она при этом отыгрывала мимикой. Она приходила к финальной точке и немного приседала в поклоне, как будто не могла насытиться следовавшими за танцем само собой разумеющимися оваци-

ями. Это будет тот самый день, когда она станет королевой бала, в чем она нисколько не сомневалась. Великий Людвиг Кох непременно заметит, как она выросла за последние два года, со времени, когда в столицу отправили видеозапись с выступлениями лучших танцовщиц Школы, и он, ни секунды не раздумывая, заберет её в Город № 1. Ну а там она... Тут у Эльзы в голове всё запереливалось яркими красками и светом: дальше этого она не знала, о чем мечтать, она еще никогда не уезжала из родного города. Просто там все будет по-другому. И точка.

Элен задвинула заготовки в печь, выставила нужную температуру, около восьмидесяти пяти градусов, и вышла из мастерской. На заднем дворе отец выстроил небольшую беседку с камином и остеклением. Внутри было довольно уютно, стояла старая тахта, крохотный столик, и к камину была приторочена простая плитка, вмещавшая максимум одну металлическую посудину или чайничек, что вполне позволяло вести бесхитростный быт и полноценно отдыхать от работы, задерживаясь здесь по нескольку дней. Он, собственно, так и поступал всю последнюю неделю – стойкий запах спирта держал на уважительном расстоянии от двери и окон, кажется, всю зарождавшуюся весеннюю фауну в виде мух и комаров. Элен разочарованно вздохнула и вошла внутрь помещения.

К чести Нэда Рауха надо сказать, что выглядел он терпимо даже в таком виде – без штанов, небритый и прикрытый

плодом лишь наполовину. Не в характере мастеровых допускать хаос в таких банальных вещах, как запой. В расстановке стеклотары соблюдался некий порядок, окурки из пепельницы еще не вываливались, а у камина была заботливо уложена пара полешек.

– Отец... – Элен потрясла плечо Нэда. Он промычал.

– Папа, ты как? – Элен попыталась приподнять его голову, но он замотал ею и уткнулся обратно в подушку.

Расправив покрывало на его спине, она обреченно посмотрела сначала на него, потом на стеклянные ряды с крепким пойлом, состоящие, в основном, из полукустарных бутылей дешевой водки. Весь месяц после похорон матери отец сам не свой, с маниакальным рвением будто пытается убить себя алкоголем – и вот с этим новым Нэдом надо теперь как-то жить. Мастерская без отца, упав на плечи Элен, давит все сильнее: дела идут, если не под откос, то сильно виляя по обочине. Выйдя из беседки, она притворила дверь: не хватало еще, чтобы отец простыл. Прикрыв ладонью глаза от яркого света и немного погревшись под весенним солнцем, девушка, не торопясь, вытянулась, отогнала дурные мысли и отправилась обратно в мастерскую.

Глава 3. Александр

Неплохо. Совсем неплохо. Новые бронированные трехосники весьма комфортабельны, укачивает так, что можно даже вздремнуть. Рваный гул дизеля, правда, уже начинает врываться в мозг вместе с непрезентабельной реальностью, и, пожалуй, стоит проверить, не пустил ли слюну при сослуживцах. Хоть и молодое офицерье, но шуточки вполне ещё на уровне солдатни.

Александр поерзал в анатомическом кресле десантной машины, размяв спину через куртку и легкий пластиковый броник, потянулся и глянул в личный планшет. До Города № 18 оставалось каких-то тридцать километров, почти ничего. Три года учебки для сержантов, и вот они – первые лейтенантские лычки на рукаве. Три года муштры и полевых занятий. Три года как один самый длинный день. Но теперь наконец можно будет слегка расслабиться и перевести дух – предстоит пара месяцев служебных командировок в ожидании определения в основную военную часть, а по факту – расквартировка в нескольких городах и умеренный кутеж в строго отведенное время.

Грузовик снизил скорость и остановился, спустя пару минут двинулся вперед, но уже неторопливо, совершенно мягко и почти беззвучно. На экранах внешнего наблюдения видны были здания строгой формы, проплывающие по бокам,

и полупустые улицы, оживающие от ночной спячки; зарево рассвета, до одури слепящее водителей и фронтальные камеры броневиков, – все это придавало городу вид старой потрепанной рыжеватой фотографии. По нарастающей этажности домов видно было, что колонна направлялась прямо в центр поселения. После третьего или четвертого блокпоста начали появляться первые витрины магазинов, неброские и бесхитростные. Тут мясо, тут табак, тут кофе, там молоко – ассортимент магазинов был четко обозначен соответствующей вывеской и простым рисунком на витрине. Иногда за большими стеклами виднелись манекены с одеждой. Не то чтобы очень красивой, скорее строгой и практичной. Александр не без удовольствия окинул взглядом свое свежее обмундирование. «В армейке не так много радостей, – подумал он, – но хоть выглядишь как нормальный мужик».

Колонна прибыла к зданию Республиканской Канцелярии и встала на центральной площади. Стандартное построение перед транспортом, переключка, баулы-в-руки, и под взгляды немногочисленных зевак молодые офицеры уже входят в здание Канцелярии. Расквартировка в новом поселении – дело небystрое. Инженерная рота, хоть и прибыла заранее, все еще копошилась, что-то докручивая в утепленном шатре на заднем дворе Канцелярии. А пока офицеры молча разглядывали внутреннее убранство холла государственного учреждения. Огромных размеров плакат на входе гласил, что сегодня «по случаю приезда дорогих военнослужащих Респуб-

ликанской Армии состоится бал, на котором будут присутствовать все значимые для города граждане из зоны «К», а также все артисты, упомянутые в списке надежных».

Неплохо. Совсем неплохо.

Глава 4. Август

Элен уже подходила к балетной школе, в легкой холщовой сумке неся завернутые в бумагу готовые пуанты, все пять пар. Господин обер-танцмейстер должен остаться сегодня доволен. Это значит, что сестры, как минимум, продолжат получать уроки в танцклассе в прежних объемах. Хотя девочки продолжали верить, и небезосновательно, что причиной тому был все-таки их талант.

Подойдя к зданию балетной школы, Элен поднесла руку с нашивкой к глазку камеры – щелкнул замок, и дверь открылась. Зайдя, она быстро поднялась на второй этаж и постучала в кабинет директора.

Август Остерманн, директор школы, бывал в нем нечасто. Вся эта суета, по его мнению, эта светская жизнь, педагогическая карьера и прочее – всё это было недостойно его внимания совершенно. Успех – он и есть успех, в чистом виде, и в случае господина Остерманна – это высокая должность и достойное жалование. Линия жизни, нащупанная больше двадцати лет назад, оказалась верна, и это уже практически доказано. Он – уважаемый гражданин зоны «К», ему ведут своих деток лучшие люди города, а его балетная школа известна своими выпускниками в самом Сити. Его кабинет был богато меблирован, но это было сделано весьма искусно и не вычурно – не те времена, знаете ли.

– Разрешите войти, господин Остерманн?

– А, Элен, деточка, да, конечно, – обер-танцмейстер оторвал глаза от монитора ноутбука, на котором набирал вечернюю речь для бала.

– Я рада, что застала Вас, – Элен, слегка присев, прошмыгнула в кабинет. Как заправский фокусник, она ловко вывернула сумку на кожаный диван и достала из бумажной обертки одну пару пуант. Бережно взяв их в руки, она торжественно показала их директору.

– Это, безусловно, прелестно, – Август прищурился и придирчиво осмотрел обувь. Но придраться было действительно не к чему: телесного цвета атлас лежал ровно, без морщин. Носок был словно вырубленный из мрамора, геометрически ровный и правильный, тесьма была самым тщательным образом выглажена.

– Надеюсь, цена не подросла... – сухо заметил он.

– Никоим образом! – Элен начала пунцовать. Они оба прекрасно знали, какова стоимость её работы. Здесь.

– Прекрасно, деточка, прекрасно. Как там господин Раух? Давно не видел его. Передайте, что он в очередной раз превзошел себя, – слишком многозначительно изрек обер-танцмейстер, подошел к письменному столу, открыл ящик, достал пару банкнот и протянул Элен.

– Огромное спасибо, господин Остерманн, – с легким поклоном она взяла деньги и пошла к выходу. И каждый раз, приходя в кабинет директора балетной школы, Элен лови-

ла себя на мысли, что надо бы, набравшись храбрости, сесть за стол напротив директора, взглянуть на него исподлобья и, немного понизив голос и слегка насупив брови, уверенно так заявить, мол, доколе? Но вид дорогой строгой мебели, а может, запах всегда изысканного парфюма, а может, что-то еще – все это ежесекундно вводило её в легкий ступор и благоговейный трепет, после чего лишь оставалось улыбаться и неловко расшаркиваться. Ну и черт с ним, Эльза должна танцевать, и ничто не помешает этому. Ни грабительская цена, которую платит балетная школа за обувь, ни чувство унижения, которое каждый раз после встреч с Остерманном навещало и грызло Элен изнутри. Никто и ничто.

Глава 5. Черные пуанты

Вечера в Городе № 18 не сулят ничего хорошего. Но и плохого тоже ничего не предвещают. Город был откровенно скучен. Это до формирования Республики можно было, как повествуется в школьных учебниках, столкнуться с пресловутыми проявлениями жестокости и насилия на улицах. Последние лет пятьдесят, особенно с введением идентификационных нарукавных нашивок, преступность постепенно сошла на нет. Просматривалось всё и вся. Каждый сантиметр городской земли.

Около балетной школы было весьма оживленно, у входа курили молодые офицеры в парадном, шмыгали туда-сюда хихикающие балеринки и слушательницы литературных курсов. Народ прибывал. В фойе играл квартет, был накрыт небольшой фуршетный стол, стояли весьма ухоженного вида граждане и вели негромкие беседы между собой. В этой толпе выделялись два персонажа: безусловно, сам Август Остерманн, директор заведения, особенно своим прекрасно сшитым костюмом и непривычно ярким в этих краях галстуком. Второго человека до этого дня не видел никто в городе – а ведь это был сам Людвиг Кох, худрук Генерального театра Города № 1, гений, обожаемый дамами и обласканный властью. Его постановки украшали все основные сцены Республики, ни один государственный праздник или громкий юби-

лей не обошелся без магии его рук и таланта. Мало кто из его современников мог бы похвастать подобной плодовитостью, и Августу, откровенно говоря, немалых сил далось пригласить творца такого масштаба на свой бал. Он сиял и был неимоверно вежлив в обществе Коха.

Эльза нервничала. О приезде худрука Генерального театра стало известно лишь пару дней назад, и теперь ей уже не нравилась ни её программа, ни её платье, да и вообще всё теперь решительным образом бесило. Все надежды о славе и признании до этих пор были просто мечтами, но с приездом этого человека все начинало превращаться в некий стройный и понятный план, который был в рискованной близости от краха. Элен, тем временем, разворачивая глубокого, вызывающе-матового оттенка черные пуанты, которые она сшила сестре специально для этого вечера, пыталась, как могла, успокоить её.

– Эльза, родная, ну перестань, – Элен говорила хотя и обволакивающе мягко, но будто по-матерински, жизненно и убедительно. – Это все сейчас – не просто так.

– Я... я в порядке... – суется с завязками платья, выдохнула Эльза.

– Не тяни так, поаккуратнее. Давай потихоньку.

– Сейчас... – натужно выдавила из себя Эльза, стараясь перенести чувство смятения и неудобства на сложности со шнуровкой. Тихонько хрустнул шов. Сестры переглянулись. Пауза. Затем пальцы обеих начали быстро-быстро переби-

рать ткань.

– Слава Богу! – прошептала Элен, убедившись, что фатальных повреждений не случилось, и платье осталось цело.

После этих слов она обхватила ладонями лицо Эльзы и прокричала той куда-то прямо в переносицу, между уже начинающих намокать глаз:

– Черт тебя дери, Эльза! Ну ведь не три ж года, держи себя в руках! Все будет хорошо, слышишь!

Эльза уронила взгляд в пол. При этом на душе как-то сразу стало легко: с такой боевой сестрой у нее точно все будет в порядке.

Элен подняла с пола оброненные пуанты и на всякий случай тоже оглядела на предмет каких-либо повреждений.

– Это тебе на удачу, – она протянула обувь Эльзе. – Я буду молиться за тебя. Дай Бог, чтобы сегодня звезды сошлись, как надо.

Эльза обхватила шею сестры и разрыдалась. В тот же момент прозвенел первый звонок – сигнал зрителям занять места в зале.

Глава 6. Бал

Грянули мощные аккорды вступления, зашумели лебедки за сценой, и кулисы полетели в разные стороны. Пять, шесть, семь, восемь – и кордебалет высыпал на сцену. Танцовщицы закружили в парах, вся сцена заполнилась всполохами света и зайчиками от блесточек на костюмах. Элен была во второй группе и старалась поддерживать синхронность. Вступление было достаточно насыщенным и, по счастью, не слишком долгим. Зависла пауза, притух свет, и, подсвеченная лишь лучом световой пушки, на сцену выбежала Эльза. Под отрывистые, но интеллигентные *spiccato*³ скрипок она шла по сцене мягко и точно. Движения завораживали. Тонкие белые руки и изящные ножки, взлетая и перекрещиваясь, рисовали прекрасную картину танца. Элен не могла оторвать глаз от сестры. Да и весь зал замер, лишь гремел оркестр и луч, как примагниченный, следовал за движениями Эльзы. И, когда уже зазвучала величественная кода, а кордебалет подхватил танец солистки, публика, очнувшись, начала хлопать в такт музыке. Медь и струнные взлетели вверх, замерев в последнем аккорде, Эльза встала в последнее па, и зал взорвался овациями.

Господин Остерманн остался, если можно так сказать,

---

³ *Spiccato* (итал.) – музыкальный штрих, используемый на струнных смычковых инструментах.

неимоверно доволен. Краем глаза он весь танец наблюдал за Кохом – тот был напряжен, как барс перед прыжком: глаза следили за Эльзой, не отрываясь, рука беспрерывно теребила мундштук сигариллы. Сегодня явно кто-то будет осыпан похвалами, и Август заранее был к этому готов. Как только танец закончился, он в три прыжка оказался на сцене и, подерживая руку Эльзы, уже кланялся, не скрывая уболагодворенную улыбку, попутно рассылая воздушные поцелуи. Триумф – дело приятное, как не верти.

Занавес выдержал несколько поклонов и наконец закрылся. Наступала основная часть бала – танцы с офицерами. В программе вечера допускались и прочие проявления уважения величию Республики, но никто не собирался кругами слушать гимн и прославлять, безусловно, мудрое руководство, а вот поднять бокал-другой во славу нации и здоровье Канцлера, согласитесь, – отличный повод разогнать кровь. Публика постепенно сбрасывала с себя официоз, офицеры веселились, танцую с молоденькими танцовщицами, серьезные дяди растекались в улыбках при виде такой красоты, а их жены тайком любовались выправкой армейских и недоверчиво косились на старлеток.

Александр никогда не был большим любителем балета, так, где-то что-то читал, видел или слышал, не сильно в то вникая. Тем страннее для него была собственная реакция на сегодняшнее действо, которое, к большому удивлению, его чертовски захватило. Можно сказать, выволокло душу из

глубин его нутра на самую поверхность. И эта удивительная танцовщица. Она была абсолютно чудесна и безудержно прекрасна. Её черты были так естественны, а движения точны и превосходны, что молодому офицеру ничего не оставалось, как попросту безнадежно влюбиться. Вот и сейчас он с надеждой наблюдал её в другом конце зала, пока она общалась в обществе двух взрослых мужчин, дорого одетых, один из которых до того выходил на поклон – это был, скорее всего, директор местной балетной школы, и второй, судя по всему, был еще более важной персоной. Все трое были в приподнятом настроении, улыбались, и видно было, что, беседуя, то и дело пытались перекричать грохотавшую на танцполе музыку. Александр направился к ним.

– Позвольте представиться, – молодой офицер шаркнул ногой на старинный манер. – Александр!

– Мы немного заняты, не примите за неуважение, – слегка скривился господин Остерманн. Кох только слегка закатил глаза, но сразу же улыбнулся, повернувшись к Александру, и произнес:

– Вы тоже были впечатлены танцем Эльзы?

– Я не видел ничего лучшего до сегодняшнего дня!

– Мне она тоже весьма понравилась. Думаю, с этого момента она станет успешно развиваться под моим патронажем. Вы можете поискать себе другую партнершу для танца, пока мы обсуждаем детали, не правда ли?

– Да, – смутился Александр. Хм, настолько резко и гра-

мотно его осадили. Зато он теперь знает Её имя. Эльза. Он отошел на несколько шагов. Постояв немного, он решительно направился к бару. Опрокинув пару бокалов, он немного поводит взглядом по толпе, выискивая подходящую для вендетты девушку, перекинулся парой колкостей с таким же горемыкой и вышел на улицу. Нет, черт возьми, какие же великосветские крендели! Кровь начинала бурлить. Он выкурил сигарету и собрался уже возвращаться в зал, как заметил Эльзу у служебного входа. Она стояла как ни в чем ни бывало, кутаясь в куртку и потягивая кофе.

– Вас наконец оставили эти два остолопа? – нарочито небрежно спросил Александр, подойдя поближе.

– Молодой человек, а вы не поклонник светских манер, – усмехнулась девушка, парень ей явно понравился, но его неожиданная прямота немного смутила.

– Было шумно, вы, наверно, не расслышали, меня зовут Александр, – как ни в чем ни бывало продолжил он. – Я подходил к вам в зале, когда вы беседовали с этими... двумя старикашками, – Александр расплылся в улыбке от своей, как ему показалось, весьма удачной шутки. – Вас же Эльза зовут? Эта музыка, этот танец... Я просто восхищен вашим выступлением!

– Эль... Эльза, да, все верно, – девушка странно улыбнулась, – спасибо за комплимент, весьма приятно.

– Я могу вас угостить чем-нибудь?

– Вы знаете, я бы даже перекусила, от танцев и волнения,

знаете ли, есть что-то очень хочется, – балерина с насмешкой взглянула на Александра. Тут он вытянулся в струнку, поправил китель и протянул согнутую в локте руку девушке:

– Для Вас сегодня открыты все рестораны, мадам! – и нарочито подобострастно поклонился.

Девушка рассмеялась. Они прошли внутрь к фуршетному столу. Это не совсем походило на ресторан, но там оставались какие-то закуски и напитки, что сейчас их вполне удовлетворило. Энергичная музыка волнами раскачивала зал, атмосфера становилась все более раскованной, и вот уже они вдвоем пульсировали в такт этой музыке вместе со всеми остальными на огромном танцполе. Александр ловил себя на мысли, что Эльза каким-то неуловимым образом умудрялась слегка меняться весь вечер, скажем, иногда обрывая разговор и продолжая его через некоторую паузу. А иногда у нее неожиданно появлялись какие-то вещи, вроде шарфика, а затем так же бесследно пропадали. Но если отбросить все подобные странности, то все было просто замечательно: они пели, хохотали и танцевали, практически не останавливаясь.

Наконец господин Остерманн взял слово и объявил праздничный вечер оконченным. Он горячо поблагодарил мужественных офицеров Армии Республики за достойную службу, еще раз похвалил своих воспитанниц за прекрасное выступление и власти города – за шикарный прием. А также предложил поднять бокалы за здоровье Канцлера, конечно.

Подвыпившие офицеры небольшими кучками побрели в

сторону Канцелярии, за которой уже достроили шатер для ночлега, а в балетной школе постепенно начал гаснуть свет. У входа остался стоять только Александр. Он ждал Эльзу. Медленно тянул последнюю сигарету в предвкушении приятного вечера в обществе неимоверно прекрасной девушки. Неожиданно их вышло сразу две.

– Эльза? – только и смог промямлить он.

– Эльза.

– И Элен, – почти эхом повторила вторая и засмеялась. Звонкий смех Элен вывел Александра из ступора, и почему-то он тоже рассмеялся. Смешинка перекинулась на Эльзу, и вот уже они все трое хохотали друг над другом. Наконец раскрасневшиеся от смеха сестры объявили, что в утешение они позволяют проводить их обеих до дома. Александр глянул на часы, вспоминая, что увольнение в связи с балом продлили до суток, улыбнулся и сказал, что лучшего охранника в это время скорей всего им уже не найти.

– А мы ничего и не боимся! – почти синхронно отчеканили девушки. – У нас тут всегда спокойно.

– Даже скучно, – добавила Эльза уже одна и, поняв это, потупила глаза. Александр неуверенно ухмыльнулся. Он поднял почти невесомую сумку сестер, перекинул через плечо и зашагал вперед. Элен с укором глянула на сестру и пошла вслед. Эльза улыбнулась и побежала обгонять сестру.

– А насколько ты задержишься у нас? – прощebetала она как ни в чем ни бывало. Александр закатил взгляд, нахму-

рился и произнес в шутку, слегка чеканя по-военному:

– Нас только доставили, никак знать не могу. Может, на день, может, навсегда, – и на секунду представил, что совершенно случайно вся его служба может пройти в этом захолустье. Ему вдруг стало не по себе. Эльза снова перебила его мысли:

– А я так хочу в Сити, так хочу! Господин Кох сегодня был так добр, он даже обещал мне, что я стану танцовщицей Генерального театра. Я такая счастливая!

– Что ж, рад за тебя, – выдохнул Александр, но, спохватившись, улыбнулся и, развернувшись, спросил Элен:

– А ты что ж?

– Я не могу пока. Я веду дела семьи, пока папа немного болеет, – тихо и быстро проговорила она: правду пришлось немного приукрасить, стараясь максимально нейтрально описать действительную ситуацию.

Они прошли небольшую площадь и углубились в переулки. Безучастные камеры блестели в ночи инфракрасной подсветкой и уныло фиксировали все происходящее. Александр рассказывал свои байки о военном училище, что-то вспоминал из детства, сестры слушали и часто смеялись.

Мир в этот миг был чист, прекрасен и свободен. Даже безоблачное небо с огромной луной и мириадами звезд было сейчас как нельзя кстати, легко приумножая своим светом скупую тусклость уличных фонарей. Воздух был еще немного прохладен, шаг произвольно ускорялся: не пришли еще

те самые теплые весенние деньки, когда можно часами гулять, обсуждая все и вся, или же, наоборот, в уединении созерцать окрестности. Но Эльза с жадностью слушала истории Александра: ей все это было в новинку, она живо реагировала и много переспрашивала. Какой же он был забавный. Александр рассказывал удивительные для нее вещи, и ей даже не верилось, что где-то есть другая жизнь, которая может быть настолько насыщена событиями и впечатлениями:

– И, представь себе, полярное сияние бывает трех видов, я насчитал для себя именно столько, пока жил далеко на Севере: бывало, когда все небо светится изумрудным светом, словно одно большое светящееся облако. Или же переливается радужными столбцами, которые движутся то немного вверх, то немного вниз, как в старых мультиках. А самое странное сияние похоже на огромную змею, которая выползает с одного края неба и ползет над головой в другую сторону, постепенно прячась за сопками.

Элен брела, чуть отстав от них, как будто записывая весь этот вечер в свой внутренний блокнотик, пытаясь сохранить каждый момент и слово. Изредка она вставляла в беседу фразу, но потом её бурлящая и искрящаяся сестра перетягивала внимание Александра на себя. Элен это порядком злило, но, будучи старше сестры на пятнадцать минут, она на правах старшей тут же её прощала. Ну не рвать же бедного Александра на части. Хотя будь на месте Эльзы другая, она бы узнала силу кулаков Элен, будьте уверены.

Небо качалось вместе со всеми своими звездами в такт, когда троица танцевала под тихое собственное пение, улицы стали необычно просторны, шире и больше обычного, потому что, когда пылает сердце, оно тоже становится больше человека. Так, не замечая времени, они подошли к дому сестер.

Глава 7. Звонок

Я мчал к другу. Пустой ночной МКАД. Магнитола журчит какой-то танцевалкой по кругу – и ладно, флешка воткнута полгода назад и не вынималась, поэтому треки я знаю наизусть. Аудиосистема приятно бумкает басом, но я не обращаю на музыку особого внимания. В голове носятся разговоры, те, что состоялись, и те, которым состояться не суждено. Я без конца прокручиваю разные варианты развития событий. Мерные всполохи фонарей и ярко подсвеченное богатство придорожных автосалонов и мегамаркетов успокаивают порядком загнанный разум, уже хочется как-то всё это выплюнуть и забыться.

Поток машин начал замедляться, потом и вовсе сгущаться, намекая, что я еду напрямиком в пробку. И когда я уже увидел впереди огромный красноглазый тромб, ничего не оставалось, как влиться в него и вернуться из своего расфокусированного созерцания. Мысли снова забегали, и рука начала самопроизвольно перелистывать контакты в телефоне. Неожиданно я набрал Павла, молодого помощника шефа. Он был спокоен и, на удивление, не осведомлен о ситуации. Пообещал выяснить всё и перезвонить. Ощущение запущенного обратного отсчета плотно засело у меня в мозгу. Параллельно с этим возник очередной страх, а что, если я, наоборот, сейчас усугубил свою проблему?

Глава 8. Драка

Александр видел, как в свете коридорного освещения ускользает подол легкого пальто в проеме и захлопывается дверь за Эльзой. Он не мог рассчитывать ни на что и, понимая это, все равно продолжал стоять и глупо таращиться на дом сестёр. Вдруг дверь скрипнула, отворилась, и, к удивлению Александра, из неё вылетела, чуть не сбив его с ног, Эльза, прижалась влажными губами к его губам и, шепнув: «Пока...», – исчезла обратно в доме. Затем за дверью послышалась возня, потом негромкие нравоучения и хихиканье. Молодой офицер уже не слышал этого и направлялся к себе в роту. Правда, выглядел он, наверно, немного придурковато со своей широченной улыбкой.

Но далеко уйти не удалось. Сначала на него пахнуло перегарным смрадом, потом из темноты появилось неясное лицо мужчины явно постарше средних лет.

– Кто такой? – прохрипело лицо.

– В смысле, кто такой? – Александр автоматически брякнул первое попавшееся на ум.

– Ты кто такой?! – взревел незнакомец. Он подался вперед, но ему было явно тяжело держать равновесие. Александр ушел вбок, и тело оппонента пролетело мимо и упало наземь.

– Я не хочу неприятностей, – сухо, но твердо отчеканил

Александр.

– А я хочу, – медленно привставая на руках, сказал незнакомец. – Я хочу натрескать тебе по голове и раскроить череп. Какого хрена ты здесь забыл?

Александр подумал, что неплохо бы сбежать, но обидный тон разговора этого странного мужика сам напрашивался на коррекцию. На всякий случай, расстегнув китель, он проверил документы, закрыл все карманы на молнии и липучки, чтобы при случае ничего не растерять. Ну, давай, вставай, забулдыга, и получи урок.

– Эй, говнюк, ты разве еще здесь? – незнакомец уже стоял во весь рост, который, к слову, оказался не мал. У мужика были крепкие кулаки и какие-то знакомые черты лица. – Я же вроде сказал тебе проваливать.

С этими словами он, не размахиваясь особо, вlepил оплеуху Александру, затем, не давая опомниться, наотмашь ударил другой рукой. У офицера вспыхнуло в голове и потеплело в районе челюсти. «Ну, погоди, засранец, – подумал он, – сейчас спляшем».

Серия в челюсть, два болевых по бедрам и апперкот поставили незнакомца на колени. Поникнув головой вниз, он медленно оседал и наконец лег набок. Александр сплюнул, вкус слюны был металлический, явно где-то во рту шла кровь; он быстро осмотрелся, как дикий пес, нырнул в тень и побежал в сторону шатра-казармы. На сегодня приключений достаточно.

На шум из дома выбежали сёстры. Они бросились к незнакомцу.

– Папа... па... па, – голос Элен дрожал. Она обхватила его и, подняв голову с земли, попыталась посадить. Из носа и уха у него струилась кровь. Эльза все причитала: «Ну что же ты так, ну кто же так тебя...»

Но мужчина молчал и не двигался. Девушки затащили его домой.

Приехавшая скорая констатировала смерть.

Глава 9. Встать, суд идет

За Александром пришли утром. Два офицера военной полиции дали время собраться, без лишнего шума провели на задний двор, посадили в черный седан и отвезли в опорный пункт местных блюстителей порядка – на правах расквартированной части армейским в равной мере с местными властями доставались все административные учреждения. Отделение полиции хоть было и достаточно обветшалым снаружи, но внутри было, в целом, на вид чисто, практично, хотя и сурово.

Александр вел себя спокойно, не сопротивляясь и не споря. Его завели в помещение, посадили за стол, прикрученный к полу, пристегнув наручниками к длинной металлической перекладине, и на некоторое время оставили ждать. Затем в кабинет вошел невысокий пожилой офицер, достал планшет, развернул его и показал Александру видеозаписи с нескольких камер, на которых запечатлелись события предшествующей ночи, где явно и четко был виден он сам, незнакомый ему местный житель, их драка и её исход. Житель был тут же опознан, им оказался некий Нэд Раух, владелец мастерской по пошиву пуантов, к делу было тут же присокуплено заключение врача скорой помощи, где было сказано, что «потерпевший Нэд Раух погиб от кровоизлияния в мозг вследствие полученной им черепно-мозговой трав-

мы. Вскрытие показало, что отчасти этому поспособствовал тромб, оторвавшийся от сильного удара по голове. Из родственников у потерпевшего остались только две дочери, Элен и Эльза Раух, обеим по восемнадцать лет от роду».

Старый офицер кашлянул, подал перо Александру, молча дождался, пока тот подпишет акт на планшете, еще раз внимательно прошелся взглядом по документу и произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.